

ШАБА 1

На кой черт ему эта вечеринка, спрашивается?!

Тащиться непонятно куда! Непонятно зачем! Непременнo в костюме и галстукe! Не смeть опаздывать! При себе никoгo не имeть!

Последнее условие его вообще возмутило.

— Че так-то, Лен? — хмыкнул он в телефонную трубку таким тоном, будто мог зараз привезти с собой по меньшей мере пятерых красоток.

На самом-то деле он уже давно пребывал в поиске и пока безо всякого результата. Но повиделиться все равно стоило. Чего это она сразу с условий начинает?

— У нас семейное торжество, Антоша. Нам не нужны за столом посторонние! — сразу надулась Лена Снегирева.

И забубнила, забубнила, тут же припомнив все их совместные с ее мужем — Ванькой — прегрешения, видеть которые чужому глазу было никак нельзя.

Тут и новогодняя прошлогодняя елка всплыла, когда они с Ванькой вокруг нее в одних трусах плясать вздумали. Хорошо еще, что совсем не разделись! То, что елка та произрастала в дачном поселке возле их дома, Ленку мало трогало.

А в бане, когда пива перепили, что было? Доду-

мались в одних полотенцах выйти на улицу! А баня та в центре города, и вышли они в полотенцах из дверей на оживленный к тому часу проспект. И любовались бы на них прохожие часа два — по-позировать они любили, — если бы не милиция, разогнавшая толпу зевак, а заодно и на них с Ванькой накричавшая.

Потом Ленка, захлебываясь азартным возмущением, вспомнила их совместный поход в горы. Поездку к морю. Следом отдых в санатории.

— Вам же нельзя на люди, Антоша! Вы дикари!!! Так что приедешь один, — закончила она безапелляционным тоном и добавила, как бы между прочим: — Достаточно уже того, что твоя бывшая приедет с бойфрендом.

— Ага!!! — тут же завопил он, встав на дыбы. — Ей можно, а мне нет?!

А в голове тут же заплясало и запрыгало: это что же у Алки за бойфренд такой? Откуда она его нарыла, если еще пару месяцев назад домой назад просилась? Не очень настойчиво, правда, но просилась. Может, нарочно тащит кого-то с собой, чтобы его — своего бывшего мужа — позлить?

— Ей можно, потому что...

Ленка замялась, стараясь подыскать единственно верные и правильные слова.

Щадила его таким образом.

— Ну! Говори как есть, чего мямлишь? Почему это ей можно?

— Потому что Сережа не совсем посторонний, — закончила Ленка с виноватым вздохом.

— Минуточку! — Антон тогда завертел шеей с такой силой, что захрустело что-то под тугим воротничком сорочки. — Это какой такой Сережа?

И с чего это он нам не совсем посторонний? Уж не тот ли это Сережа?..

— Тот, Антоша, тот. — Лена засопела в трубку совсем уж виновато.

— Я не приеду! — отрезал он категорично и хотел отключиться, но Ленка заверещала как ненормальная:

— Гошечка, миленький! Не смей бросать трубку!!! И не смей не приезжать!!! Ты нужен, понимаешь?

— Нет. Зачем?

— Ты должен помочь, — нехотя начала признаваться Ленка.

— В чем? Чем? Зачем?

Он уже ничего не соображал в тот момент и гнал машину по улицам города как заправский гонщик. О том, что его могли остановить сотрудники милиции, оштрафовать, отобрать водительское удостоверение, он не думал. О том, что он может кого-нибудь покалечить, не думал тоже. Весь мир съежился до размеров узкого тесного тоннеля его обшарпанной, загубленной Алкой жизни, из которого ему страсть как хотелось вырваться. А вот, получается, мешали.

— Антоша, она несчастна! Несчастлива без тебя! Дурочка, ничего не видит, ничего не понимает, не понимает, что губит себя! Но мы-то видим и хотим помочь!

— Помогайте, — отрезал он и вильнул в пыльный проулок, сразу переполошив дюжину задремавших кур и чинно прогуливающихся пенсионеров. — Я-то при чем?

— Без тебя никак, Антоша. Мы с Ванькой долго думали и решили, что...

— Что для того, чтобы сделать мою бывшую

жену счастливой, мне необходимо отбить ее у того прохвоста, который в свою очередь отбил ее у меня. Я правильно понял?

— Правильно, — обрадовалась наивная Ленка.

— Дура! — коротко обронил Антон, доехал до обрыва, нависшего над рекой растрескавшейся каменной губой, и остановил машину.

— Кто дура? Алла?

— И Алла, и ты, Лен, дура тоже.

Он почесал макушку, глянул на себя в зеркало. Физиономия была зверской. Если бы Ленка его сейчас увидела, то поостереглась бы вести дальнейшие переговоры.

Она его не видела, поэтому принялась возмущаться, называя всех мужиков козлами и гадами. Ему отдельно досталось. Финала ее гневного монолога он не услышал, просто выключил телефон. И решил тогда, выйдя из машины и усаживаясь светлыми штанами прямо в молодую сочную траву, что ни за что не станет принимать участие в их акции по спасению его заблудшей овцы, прощанье — жены.

Но день спустя позвонил Ванька — его лучший, самый лучший друг на свете — и тоже начал просить его приехать на их праздник. Он заискивающе хихикал, называл всех баб глупыми курицами. Просил не обращать внимания на Ленкины идиотские затеи. Уверял, что праздник этот никакого отношения к развалившемуся браку Антона и Аллы не имеет. У них с Ленкой просто знаменательная дата, которую они хотели бы отметить в кругу друзей, вот и все.

Антон ему не поверил, но приехать пообещал.

Почему не поверил?

Да потому, что Ванька ему наврал.

Друзья что собирались отмечать? Правильно, годовщину их с Ленкой знакомства. А сколько лет, сказал Ванька, минуло с тех пор? Правильно, сказал, что пятнадцать. А на самом деле?

А на самом деле, Антон знал и помнил это совершенно точно, знакомству их было семнадцать с половиной лет или чуть меньше. Причина для запоминания тоже имелась: это именно благодаря ему они и познакомились.

Познакомил он их незадолго до Нового года в школьном коридоре, толкнув Ваньку на Ленку, когда она проходила мимо них из столовой. Ванька тогда заорал:

— Дурак, что ли, Тоха?!

И тут же, успев шкурно подмигнуть другу, кинулся помогать Ленке подбирать с пола оброненные пирожки с капустой, которые она несла своим одноклассникам. Пирожки, конечно, пришлось выбросить. Дураку Тохе, загадочно ухмыляющемуся, пришлось уйти. И было им на тот момент...

Да, все правильно! Было им по шестнадцать. Сейчас по тридцать четыре с хвостиком. Дело катится к лету, так что никак их знакомству не могло быть пятнадцать лет.

Он, конечно же, поедет на вечеринку, устраиваемую его друзьями в доме Ванькиного дядьки за городом. Какой бы причиной они ни руководствовались, разочаровать и уж тем более обидеть Антон их не мог. Но самому себе поклялся на Алку вообще никакого внимания не обращать.

Никакого!!!

Пусть она выглядит на три миллиона евро! А она именно так всегда почти и выглядела. Он в ее сторону все равно не посмотрит.

Пусть она начнет снова выделять свои штуч-

ки-дрючки, которые всегда распяляли и заводили его, он все равно в ее сторону не посмотрит.

Пусть она с этим своим Сережей демонстрирует необыкновенное счастье и взаимопонимание (и когда успели снова начать встречаться!), он не станет беситься. Не станет обращать на это никакого внимания и уж тем более не станет задаваться вопросом: а что он сделал не так в их совместной жизни и почему теперь вот все сложилось именно так, а не иначе.

Он будет ее игнорировать, вот!

Он станет от нее отворачиваться!

Он не клонет, не глянет, не пожалеет ни о чем не сделанном!

Он будет самым собой. Тем самым парнем — нормальным, покладистым, надежным, веселым и немного бесшабашным, которым был всегда до встречи с Аллой.

Он не будет ее парнем, ее мужем, ее бывшим мужем. Он вообще не ее! Он сам по себе, она сама по себе. Он не ее, он свой!!! Сам себе господин, режиссер и хозяин!

Но чем меньше оставалось времени до намеченного празднества, тем меньше уверенности оставалось в его душе, которую он справедливо считал истерзанной.

А чего не так-то?!

Алка — она же...

Она же — гадина ненаглядная — измучила его, истерзала его душу, вынула и растоптала сердце, она сузила его мир до размеров тесного пенала, постоянно щелкая за его спиной невидимым хлыстом.

И что самое страшное — он подчинился ей, придурак! Он позволял лепить из себя невероят-

ных пластилиновых или пластиковых, черт его знает, роботов. Позволял заводить их в любое время суток странным волшебным ключом, приводить в действие механизм, не дающий никогда сбой. Он позволял ходить им строем, кивать, когда необходимо, ловить на лету кусочки сахара...

Нет, это не про роботов, кажется, это про собачек. Милых, послушных, пушистых собачек, норовивших все время поплясать перед своей хозяйкой на задних лапках.

Такими вот собачками он тоже бывал.

А потом, потом, потом...

Потом случилось страшное. Или банальное? Или закономерное?

Алка ему изменила! Изменила, стоило ему уехать в командировку на две недели.

Загуляла, не дождалась, зашалавилась, как сказали бы любители сидеть на лавке у подъезда, попутно сплевывая шелуху от семечек.

Так же вот, как семечную шелуху, Алка сплюнула себе под ноги и его жизнь. Сплюнула, перешагнула и даже не обратила внимания на то, как ему при этом было больно.

Он тогда запил, переболел, перебесился и... простил почти.

Ну, загуляла и загуляла, кто не оступается, так ведь? Он сам виноват, нельзя такую шикарную женщину оставлять на произвол судьбы и мужицкий беспардонный произвол аж на целых две недели. Она, может, уже давно раскаивается. Как не простить-то, господи! Так ведь?

Оказалось, что не так!

Это у всех остальных может быть так, но не у Алки, которая почти всегда выглядела на три миллиона евро.

Она изумленно вскинула невероятной формы бровки и прошептала, глядя на него как на помутившегося рассудком:

— Ты что, Марин, так ничего и не понял?!

Не поверите, он в тот момент даже устыдился.

— А... а что я должен понять, маленький?

Он все еще привычно носил на своем языке всякие пусики-мусики-сюсики, когда обращался к ней.

— Ты не понял, почему это произошло со мной?!

Ее удивительного оттенка — совершенно бирюзовые, без каких бы то ни было вкраплений, и не линзы, он убедился в этом еще в период знакомства — глаза наполнились слезами.

— Ты так ничего и не понял?! — Две драгоценных слезы скатились по щекам, чуть повисели на скулах и все же упали, тут же бесследно исчезнув в меховом воротнике ее шубы. — Это все произошло потому, что...

И началось перечисление всех отвратительных его качеств, которые он по недоразумению причислял к достоинствам. И бесхарактерность его вменялась ему в вину. И беспринципность — и когда такое было?..

— Сережа, он... Он, в сущности, ничего для меня не значит. Он всего лишь эпизод в моей жизни, — проговорила она напоследок и тут же добавила: — Но он открыл мне глаза на мир!

— На какой?

Он все еще терпел, все мечтал, что она одумается и сейчас все же начнет каяться и просить прощения.

— В котором тебе нет места, Марин! — тут же скомкала Алла все его надежды и ушла.

Ушла не к Сереже, как потом оказалось. Ушла

куда-то еще. Где-то жила. Чем-то занималась. Зарабатывала какие-то деньги. Потом с кем-то еще жила. Со вторым, третьим, четвертым. Все искала себя, наверное. И вот теперь вдруг оказалось, что она снова с Сережей, которого почему-то его друзья не считают посторонним за их праздничным столом.

— Вот черт, а! — вспыхнул он, в третий раз не получалось завязать красиво галстук. — Да пошло оно все!..

Никакого фрака, костюма и галстука, пускай катятся со своими условностями! Да и какой, на хрен, галстук с костюмом в загородном доме, который, по слухам, к тому же еще и располагался в лесу?! Пускай Серж надевает костюм. При такой женщине, как Алла, надлежало выглядеть, а ее бывшему мужу, которому в ее новом мире не было места, и в джинсах будет совсем неплохо.

— Чего купить? — спросил он у Ваньки, опуская приветствие. — Вина, водки, коньяка?

— Все имеется, старик, не беспокойся, — отозвался Ванька на подъеме.

Но каким-то неуверенным показался Антону его подъем, каким-то наигранным.

— Слышь, дружище, я тут подумал... — Антон надул щеки, выдохнул, глянул на себя в зеркало в прихожей. — Не стану я надевать никакого костюма.

— А что так? — растерялся друг. — Нет. Я в принципе... Как тебе удобно, просто...

— Просто что? — тут же озверел Антон. — Алка со своим хахалем будут при параде, а я в джинсах, так, что ли? На его фоне, боишься, проиграю?

— Боюсь! — честно признался Ванька после минутной паузы.

— Ты же сказал, что к Ленкиной затее никако-

го отношения не имеешь? — прицепился к другу Антон.

— К какой затее?

— К той самой! — передразнил его он. — К той самой, что она снова хочет меня с Алкой свести!

— Не имею, — заартачился Ванька. — Говорил и говорить буду: к ее затее отношения не имею. И вообще считаю это глупым.

— Что конкретно? — немного смягчился Антон. — Конкуренцию такого плана?

— И конкуренцию тоже.

— А еще что?

— Да ладно тебе, Тоха, дурака валять! — вспыллил теперь уже друг. — Я бы в жизни не простил! У нее уже после тебя сколько мужиков-то перебывало, а?! Пальцев на руке не хватит! И че после этого с ней опять что-то строить?! Да на хрена надо!!!

— Вот и я о том же, — отозвался Антон.

И тут же подумал, что для него это ровным счетом никакого значения не имеет. Ни второй, ни третий, ни четвертый, ни пятый, если они и были... после Сергея.

Для него имел значения лишь он один.

Этот мерзопакостный счастливчик, сумевший открыть его жене глаза на мир, в котором ему — Антону Марину — не было места.

Он один был виноват в этом. Не в ее грехопадении — нет! А в том, как страшно она прозрела!

Они же прожили вместе десять лет. Все казалось прочным и незыблемым. Скорее Земля, думал Марин, начнет вращаться в другую сторону, чем что-то изменится в их отношениях с Аллой. Он уважал, понимал, слушал и слушался, он ублажал, в конце концов. Он не скупился на подарки! Он занимал, перезанимал, кредитовался, чтобы у

нее все было. И чтобы она почти всегда выглядела на три миллиона евро.

Если честно, то он представления не имел, как надлежало выглядеть на такую баснословную сумму. Это Алла всегда так говорила, а он послушно повторял. Ну и со временем сам стал смотреть на все и на всех ее глазами. И ведь видел все и принимал именно так, как она хотела.

А оказалось, ему места нет в ее мире, чтоб их всех!!!

— Ладно, старик, извини, — откашлявшись, начал лепетать Ванька. — Хотелось, чтобы ты отлично выглядел. Чтобы эта стерва пожалела наконец и поняла, кого лишилась по бабьей прихоти своей.

— Костюм не надену, — стоял на своем Антон.

И тут же снова мысленно поспорил с Ванькой.

И не стерва вовсе Алла, запуталась просто, заметалась мотыльком. И жалости ее ему не надо. От любви бы — да, не отказался. А вот жалости — боже упаси. Да и не была прихотью ее измена. Он понимал это где-то глубоко внутри себя. И оправдывал, да. И уж простил давно, конечно, ее прелюбодеяние.

Что места не было ему в ее загадочном мире — вот чего простить не мог и не простит уже никогда.

ШАБА 2

Он не знал, как именно нужно выглядеть на три миллиона евро. Всегда считал, что Алла именно настолько и выглядит, поскольку она всегда казалась ему шикарной. Но вот сегодня...